Изданіе Революціонно-Соціалистической группы «СВОБОДА».

ПРИЛОЖЕНІЕ

КЪ РАБОЧЕЙ

СОЦІАЛЬДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ

ГАЗЕТѢ - ЖУРНАЛУ

ОТКЛИКИ

ДЕКАБРЬ 1902 г.

№ 1

Типографія „Свободы“.

за всю организацію, они должны беречь ее и себя и думать большую думу, налаживать общія и самыя важныя дѣла. Молодой народъ не надо сразу ставить на отвѣтственныя и опасныя мѣста, надо сначала пріучить ихъ не болтать, относиться серьезно, учить конспираціи (у насъ даже адресовъ не умѣютъ записывать такъ, чтобы жандармы въ случаѣ обыска не могли разобрать, многіе не знаютъ, что такое шифръ), заранѣе учить, какъ держаться на допросахъ, если арестуютъ. Надо, чтобы каждый зналъ свое дѣло: одинъ хранитъ библіотеку, и надо, чтобы къ нему не шлялись безъ дѣла, чтобы у него не бывало собраній, и чтобы знали о томъ, что у него хранится библіотека — немногіе; другой долженъ заниматься въ кружкѣ; третій — представитель, и зналъ бы только свое дѣло, какое ему полагается; четвертый разбрасывалъ бы листки; пятый печаталъ бы ихъ и т. д. Тогда дѣло хорошо пойдетъ. Надо также больше печатать корреспонденцій и статей, замѣтокъ, стиховъ.

Стряхнемъ, товарищи, съ себя неподвижность. Дѣло наше большое и застоя не выноситъ. Каждый потерянный день много значитъ. Пора намъ какъ слѣдуетъ взяться за дѣло!

С.-Петербургъ. Іюль 1902 г.

ПО ПОВОДУ ПИСЬМА ИЗЪ ПЕТЕРБУРГА.

По поводу второй части письма, гдѣ даются полезные совѣты дѣйствующимъ работникамъ, намъ хочется сказать лишь два слова. „Надо — пишутъ товарищи — чтобы каждый зналъ свое дѣло“ и не разрывался на десятокъ занятій. Очень надо! И въ выгодахъ революціоннаго движенія необходимо правильное раздѣленіе труда, и жандармамъ это дѣлаетъ несравненно болѣе трудной ихъ работу землероекъ, и для самихъ дѣятелей это крайне важно — вѣдь, какія угодно плечи обломятся подъ непосильной ношей, и не только человѣческіе нервыно, даже и воловьи жилы не все выдержатъ... Но, къ несчастью, мы еще не дожили до возможности правильно и не обременительно распредѣлять наши силы! Высказывая тѣ же *пожеланія*, что и товарищи въ напечатанномъ у насъ письмѣ, мы должны прислушаться и къ голосу жизненной *сего-*

дняшней правды нашего положенія; а голосъ этотъ говоритъ намъ вотъ что: бери на себя дѣло за пятерыхъ, ломись и падай подъ этимъ дѣломъ, и такимъ путемъ, своей энергіей, своимъ примѣромъ ты вызовешь къ жизни работу 25, и тогда ужъ будетъ установлено правильное и нужное раздѣленіе труда...

Но перейдемъ къ первой части письма. Начинается оно словами великаго соціалиста Карла Маркса о томъ, что освобожденіе рабочихъ должно быть дѣломъ самихъ рабочихъ. „Уже давно сказаны эти слова — замѣчаютъ авторы письма — а, между тѣмъ, до сихъ поръ ихъ еще мало понимаютъ“. Въ этомъ — въ маломъ пониманіи — и вы, товарищи, тоже не безъ вины. Ибо слова Маркса относятся ко всѣмъ буржуазнымъ классамъ и партіямъ, ко всѣмъ современнымъ правительствамъ, ко всѣмъ стараніямъ церкви и благотворительности — ко всему, что хочетъ завлечь въ трясину мысль рабочаго и обѣщаніями уступокъ и подачекъ примирить рабочаго съ его положеніемъ въ современномъ обществѣ. Презрительно улыбаясь на скудоумныя или лисьи рѣчи объ одинаковости интересовъ всѣхъ классовъ, о возможности ихъ „мирнаго сотрудничества“, которое бы уничтожило классовую борьбу; временно заключая союзы, когда случится, съ одной буржуазной партіей для перестрѣлокъ съ другой; моментально расторгая эти союзы и отшвыривая союзниковъ, когда это окажется невыгоднымъ для развитія классового сознанія и великаго соціалистическаго дѣла, — рабочій классъ самъ долженъ идти своимъ путемъ къ своей собственной цѣли: разрушенію всѣхъ путъ, всѣхъ цѣпей на землѣ. Вотъ что значатъ слова: „освобожденіе рабочихъ должно быть дѣломъ самихъ рабочихъ“. Эти слова вовсе не относятся къ той революціонно-соціалистической интеллигенціи, которая борется въ рабочихъ рядахъ. У нея нѣтъ *своего* дѣла, какъ оно есть у буржуазныхъ партій, у государства, у церкви, постоянно изыскивающихъ новую, болѣе привлекательную внѣшность все для одного и того же рабства. Дѣло революціонно-соціалистической интеллигенціи, идущей въ рабочій классъ, — это кровное дѣло самого пролетаріата.

Во имя чего дѣйствуетъ этотъ честный юноша-интеллигентъ въ рабочемъ классѣ? „Я дѣйствую во имя истины, во имя справедливости!“ — можетъ быть, скажетъ онъ намъ въ отвѣтъ. Прекрасно! Разъ ты говоришь такъ и всѣ силы свои несешь въ рабочій классъ, — мы понимаемъ, что твои истина и справедливость неразрывно связаны съ этимъ классомъ, съ его полнымъ торжествомъ. Иначе, зачѣмъ бы ты пришелъ къ намъ? Тебя не прельстили *звуки* словъ: „истина“, „справедливость“, „правда“, „добро“... Этихъ звуковъ въ буржуазномъ мірѣ, въ каждой партіи этого міра, въ каждой ледащей книжонкѣ о буржуазной нравственности, во всякомъ добродѣтельномъ романѣ ты могъ услышать, увидѣть, обонять и осязать больше, чѣмъ въ нашей средѣ,

въ нашемъ рабочемъ классѣ. Неизмѣримо больше! Намъ некогда играть этими звуками, то вкладывая въ нихъ самое гнусное содержаніе, то просто безцѣльно сотрясая ими воздухъ... Мы ни разу не произнесемъ словъ „Истина“, „Справедливость“, „Правда“ и проч., не вложивъ въ нихъ самаго опредѣленнаго и самаго нужнаго для человѣчества содержанія — и это содержаніе: торжество рабочаго класса, *которое должно быть торжествомъ и всего человѣчества!*

Входя въ нашу среду ты, юноша-интеллигентъ, долженъ былъ знать это — только буржуазія зачастую держитъ свои слова и намѣренія въ черной тайнѣ, наше соціалистическое слово — безъ недомолвокъ, у всѣхъ на виду и додумано до конца... Если ты пришелъ къ намъ, — значитъ, ты зналъ его. Вотъ и весь твой паспортъ. Мы не попросимъ тебя показать руки, есть ли на нихъ мозоли, и не поинтересуемся знать, состоятъ ли въ твоихъ предкахъ генералъ-фельдмаршалы, торговцы сбитнемъ и студнемъ или нѣловскіе мужики. Это намъ безразлично, какъ безразлично, выращена ли овощь на грядкѣ подъ широкимъ небеснымъ просторомъ, *или подъ стекломъ парника — была бы она нужнаго качества* и стоила бы одинаково.

Не сомнѣваемся мы, товарищи, авторы присланнаго намъ письма, что все это вы давно знаете и думаете такъ же, какъ и мы. Но въ такомъ случаѣ что же значатъ въ вашемъ писаніи марксовскія слова, зачѣмъ вы ихъ такъ неудачно и невѣрно примѣнили къ революціонно-соціалистической интеллигенціи, дѣйствующей въ рабочихъ рядахъ?

Зачѣмъ? Со зла и очень справедливаго зла на ту интеллигенцію, съ которой вы имѣете дѣло, скажемъ даже общѣе: на всю русскую интеллигенцію. Вами нарисована очень яркая и правдивая картинка: „*какъ разъѣхались интеллигенты на дачу*, такъ и революція съ ними, должно быть, туда же уѣзжаетъ“. Да, это такъ: лѣто — самое удобное время для революціонной дѣятельности, каждая лужайка — ангелъ-хранитель отъ жандармовъ, всякій плескъ волны на взморьѣ разсыпается тысячами улыбокъ надъ усердіемъ полиціи, лѣтнія бѣлыя ночи бодрятъ энергію, какъ не бодритъ ее весь тусклый годъ угрюмаго Петербурга... И вотъ въ это самое лучшее время для рабочихъ революція уѣзжаетъ на дачи, Комитетъ постановляетъ втеченіе лѣта не принимать никакихъ важныхъ рѣшеній, изъ всего Комитета остается одинъ-два человѣка, которымъ поручается, буде успѣютъ, завести какія нибудь *новыя связи, въ Колпинѣ что ли, — такъ, между прочимъ,* чтобы и лѣто все же не совсѣмъ зря пропало...

Но нѣтъ, даже и не въ этомъ дѣло — какъ ни важно, что пропадаетъ лучшая пора для работы, еще важнѣе, скорбнѣе, больнѣе — какъ хотите — что весь строй революціонной просвѣтительной и организаторской дѣятельности стоитъ въ такой тѣсной зависимости не отъ какого нибудь великаго переселенія народовъ, а отъ

малаго переѣзда на дачи малаго числа людей... Какую горечь обиды долженъ переживать сознательный рабочій, какъ тяжки страданія его самолюбія и гордости за честь и достоинство кровнаго ему класса, еще не распустившаго свои крылья, не развившаго широко свои силы! Это даже не понять тому, кто не родился въ рабочей средѣ, или не сжился съ нею всей душой... И не понимая этого, сплошь и рядомъ ищутъ враждебныхъ чувствъ рабочаго къ интеллигенціи тамъ, гдѣ подъ рѣзкимъ словомъ вовсе не злоба шипитъ, а стонетъ отчаянная скорбь, тоска по классовой мощи...

Но это пока оставимъ, а посмотримъ на вопросъ о переѣздѣ на дачи съ иной стороны.

Если разобрать каждый случай въ отдѣльности, то у всякаго интеллигента, уѣзжающаго на лѣто, есть свои наиосновательнѣйшіе резоны: урокъ хорошій досталъ въ деревнѣ, который позволитъ зиму проколотиться въ Питерѣ, другому нужно у стариковъ -родителей провести каникулы и т. д. Все основательно, все хорошо, но — нѣтъ тутъ той мѣрки, съ которой революція подходитъ къ человѣку. Революція требуетъ на службу себѣ всѣ помыслы, всѣ движенія, приспособленіе къ себѣ всей личной жизни. Кто хочетъ завоевать міръ для людей, передѣлать его — воскликнулъ какъ то поэтъ, Николай Ленау, — тотъ долженъ самъ отказаться отъ всѣхъ благъ этого міра! Кто хочетъ служить революціи, долженъ ей отдать все, ей мало частичекъ человѣка.

„Но, вѣдь, это значитъ проповѣдывать какое то революціонное монашество!“ Не знаю, можетъ быть, вы и правы, можетъ быть, это и монашество, я знаю только одно: революція требуетъ всего человѣка, она не можетъ и не должна ни къ чему приспособляться, наоборотъ, вся и личная, и семейная жизнь должны быть согласованы съ ней, а нельзя согласовать, — должны быть уступлены, отданы ей. Такъ было въ 70-ые годы въ моментъ величайшаго напряженія самоотверженности; такъ, несомнѣнно, будетъ и теперь. Снова *выростаетъ* среди интеллигенціи революціонеръ, всю жизнь свою отдающій революціи, только и пекущійся о ней.

Теперь этотъ революціонеръ еще не выросъ, и когда вы говорите, что революція лѣтомъ уѣзжаетъ на дачу, — ставьте это въ вину отсутствію такого революціонера, бросайте это ему призывомъ къ новой жизни, чаще объ этомъ говорите, пишите, стыдите людей, давите на нихъ всей тяжестью революціоннаго дѣла, колите имъ глаза его недочетами — пусть страданія революціи станутъ ихъ собственными, личными страданіями, и революція перестанетъ переселяться на отдыхъ въ Парголово, на Черную рѣчку, въ саратовскій Сердобскъ и пензенскую деревеньку...

„Этого всего еще мало, это слишкомъ недостаточное лекарство для бѣдъ рабочаго дѣла, даже и въ томъ случаѣ, если оно поможетъ интеллигентамъ покончить съ отдохновеніемъ революціи на

дачахъ“ — можетъ быть, скажете вы. Да, вы правы. Правы будете, и когда добавите: „а важнѣе всего для рабочаго дѣла развитіе въ рабочемъ классѣ самодѣятельности“. Только самодѣятельность и въ состояніи воспитать рабочій классъ въ силу, только она одна приведетъ его къ воистинну рабочей русской революціи, только ею будетъ завоеванъ соціалистическій строй.

Вы пишете, что комитетскіе интеллигенты въ этомъ отношеніи очень плохо поступаютъ — не только не способствуютъ развитію въ рабочихъ самодѣятельности, но даже иногда становятся и поперегъ дороги ей. Къ несчастью, это болѣе, чѣмъ вѣрно.

Но прежде, чѣмъ говорить объ этомъ, давайте пробѣжимъ съ вами хоть слегка кое какія странички изъ петербургскаго — да въ сущности и вообще русскаго — движенія. Когда забурлили его волны и готовы были хлынуть, а потомъ и хлынули громаднѣйшими стачками, — къ этому времени выросъ достаточно таки обширный слой соціальдемократической интеллигенціи. У этой интеллигенціи отличительной чертой было глубокое уваженіе къ рабочему классу, самая горячая любовь къ нему. Если сказать, что на рабочаго молились, въ каждомъ пиджакѣ изъ-за заставы видѣли собраніе всѣхъ добродѣтелей и соціализмъ въ бутонѣ, которому только остается развернуться въ розу, — что жъ, это будетъ правда.

Да и бѣды тутъ было бы мало, если бы поколѣніе интеллигентовъ того времени было сильнымъ мыслью, широтою обхвата и пониманія, могучимъ энергіей. Вотъ поколѣніе 70-ыхъ годовъ, пошедшее въ народъ: оно прямо обожествляло крестьянина, оно знало только того мужика, который созданъ былъ его благородной думой, и не знало дѣйствительнаго, ему крестьянская жизнь рисовалась тѣмъ же бутономъ соціализма — и надо только *немного,* чтобы расколыхать народное море, и оно, ударившись о молъ всего современнаго зла, снесетъ его и широкой гладью вольется сразу въ соціалистическій міръ...

Это „немного“ взяло на себя внести въ жизнь, въ народъ тогдашнее поколѣніе революціонеровъ. И этимъ то „немногимъ“, которое на самомъ дѣлѣ оказывалось очень и очень „многимъ“, они горѣли и мыслью, и душой. „Немногое“ у нихъ всего на всего былъ... соціализмъ, переворотъ всѣхъ общественныхъ отношеній въ самомъ ближайшемъ времени! Много тутъ было мечты, фантазіи, обманной радуги, но посмотрите какъ все это величаво, какою силою долженъ дышать человѣкъ съ такой идеей, сколько въ немъ должно быть мощи и широты пониманія! „Я — ничто, я — крупинка“ — могъ сказать такой человѣкъ да зачастую и говорилъ, но даже и въ этихъ словахъ, а не только что во всѣхъ думахъ, въ размахѣ ихъ чувствовался великанъ. И если этотъ великанъ склонялся предъ величіемъ народа, если онъ говорилъ: „у меня ничего нѣтъ, все возьму для будущаго человѣчества въ народѣ — оно уже тамъ

готово“ — что за бѣда? На дѣлѣ онъ несъ въ народъ *свое* громадное, крылатое слово, всю ширь *своей* думы — онъ самъ сталъ великаномъ *прежде*, чѣмъ посмотрѣть на народъ, какъ на великана, и склониться передъ нимъ на колѣни со словомъ обожанія на устахъ!...

Если бы такое же сильное поколѣніе интеллигенціи было среди дѣйствовавшихъ въ рабочемъ классѣ во второй половинѣ 90-ыхъ годовъ! Но нѣтъ — это была темная, сѣрая полоса русской жизни. Сильное среди интеллигенціи предыдущее революціонное движеніе (такъ называемые народовольцы) — это движеніе только что изгибло, силы интеллигенціи были страшно разбиты, все поколѣніе ужасно ослаблено, и трудно было ему подыматься, расти, набираться новымъ великимъ духомъ въ мертвящемъ воздухѣ царями порабощенной отчизны; для этого требовалось время и время.

Итакъ, говоримъ, поколѣніе интеллигентовъ 90-ыхъ годовъ было слишкомъ слабо для того, чтобы выработать въ себѣ большую, широкую мысль и придти съ ней къ рабочему классу. Счастье и то, что оно пришло такимъ, какъ оно было, счастье, что его потянуло на рабочіе огоньки — столько было тьмы послѣ развалившейся, когда то стройной мысли народовольцевъ, что перейти на путь рабочей классовой борьбы, потянуться къ рабочему — и это уже былъ громадный путь, громадный шагъ впередъ!

Подойдя къ рабочему вплотную, интеллигенты вошли въ курсъ его жизни только съ той стороны, которая обозначалась экономической борьбой за улучшеніе фабричной жизни. Эта сторона ярко бросалась въ глаза, изъ каждой щели она выпирала. Въ рабочемъ классѣ шла и другая работа — наростала мысль обо всѣхъ явленіяхъ міра, самосознаніе переходило черезъ заколдованный когда то кругъ отжившихъ понятій, чувства гражданина просыпались въ душѣ государственнаго, царскаго раба и мѣняли все его существо. Такая работа мысли въ рабочемъ классѣ осталась очень мало замѣченной интеллигенціей.

Странно это какъ будто: имѣть такіе свѣтлые взгляды на рабочаго, чуть не молиться на него — и такъ мало подмѣтить въ немъ, не понять всѣхъ размѣровъ его движенія, всей широты его роста! Если такъ мало подмѣчено, то откуда же и свѣтлые взгляды? У однихъ изболѣлась, изстрадалась душа, пережившая весь мракъ и ужасъ бездѣятельнаго и угрюмаго конца 80-ыхъ годовъ, у другихъ она еще не успѣла окрѣпнуть, отростить себѣ крылья— и первый же образъ мелькнувшей передъ ними силы приковалъ къ себѣ все ихъ вниманіе, цѣлительно и бодро подѣйствовалъ на всю ихъ душу! Это былъ образъ рабочаго борца за улучшеніе быта въ фабрично-заводскомъ мірѣ. Ррабочій срывалъ съ себя одну прижимку за другой, чувствовалъ себя большой силой, онъ весь блисталъ отвагой, онъ всюду разливалъ вокругъ себя бодрость и энергію жизни.

Но вошли бы вы въ это самое время въ рабочую каморку, посмотрѣли бы вы, какъ рабочій въ одиночку или впятеромъ, втроемъ или десяткомъ бьется надъ непонятной книжкой, надъ массой необъяснимыхъ для него вопросовъ... Какая жажда знанія, какая ширь потребностей и какое мучительное и тяжелое безсиліе, когда нѣтъ и нѣтъ отвѣтовъ! Великанъ въ экономической борьбѣ, великанъ въ своихъ исканіяхъ тутъ съеживался и минутами, растерянный и, не видя дороги, рыдалъ, какъ маленькій ребенокъ... Ведутся списки интеллигентнымъ талантамъ, спившимся отъ горя и бездорожья, — а сколько сгибло рабочихъ талантовъ, сколько ихъ пропало, не находя отвѣтовъ на волновавшіе ихъ вопросы... Можетъ быть, я когда нибудь опубликую исповѣдь одного моего друга рабочаго, не нашедшаго себѣ другого исхода, кромѣ петли на шею... Изгибъ этотъ талантливый юноша какъ разъ въ ту тяжелую годину русской жизни, которая была такъ сурова и къ интеллигентамъ, когда всѣ книжки, листки, листовки, прокламаціи, газеты вродѣ „Рабочей Мысли“ представляли себѣ рабочаго съ головы до пятокъ погруженнымъ въ экономическую борьбу (съ хозяевами) и обращались къ такому рабочему, въ дѣйствительности бывшему инымъ, искавшему слишкомъ и слишкомъ многаго помимо призыва къ экономической борьбѣ...

Если бы поколѣніе интеллигентовъ 90 г.г. само было сильнѣе, шире, не такъ изломано страшной предыдущей исторіей революціоннаго движенія, — оно подошло бы великаномъ къ великану, бросило бы ему могучее слово о самой широкой политической борьбѣ — и оно увидѣло бы, какой послышался бы откликъ! Увидѣло бы, что сотрясая всю Россію стачками, рабочій самъ жилъ не одной лишь стачкой, а въ это же самое время волновался милліонами вопросовъ... Но...

Но что сдѣлало — сдѣлало; все, что могло. Судить это поколѣніе интеллигентовъ надо не столько по его дѣламъ, сколько по тѣмъ чистымъ, хорошимъ, возвышеннымъ побужденіямъ и манерамъ дѣйствовать, какія были у него. И если судить его по этимъ побужденіямъ и манерамъ, то многое ему простится и многое зачтется за его громадное уваженіе къ самодѣятельности рабочаго класса.

Въ Петербургскомъ Комитетѣ вырабатывались странные, какіе то чисто канцелярскіе уставы организаціи, но подъ ворохомъ канцелярщины, подъ грудой маленькихъ-маленькихъ мыслей, у которыхъ *„всю жизнь не было... стремленья на волѣ полетать, при звѣздахъ, при лунѣ“*, — подъ всѣмъ этимъ, тѣмъ не менѣе, ярко горѣла мысль о томъ, какъ бы побольше привлечь рабочихъ къ дѣлу, какъ бы и кружки, и комитеты, и газеты побольше бы оживлялись непосредственнымъ участіемъ самихъ представителей рабочаго класса.

Правда, что многіе и душу рабочаго сплошь и рядомъ знали

не изъ жизни, а „по Марксу“ (да еще бы добро „по Марксу“, а то просто изъ книжечекъ о штрафахъ, о машинѣ и о прибавкѣ пятачка на рубль); правда и то, что они удовлетворялись зачастую и самыми плохенькими статейками, лишь бы только *„рабочій“* ихъ написалъ; правда и то, что иногда они полагали, что какое нибудь дѣло очень спѣшное и по существу своему долженствовавшее вестись въ тайнѣ, можетъ быть подвергаемо голосованію въ рядѣ кружковъ... Но все, вѣдь, это такія ошибки, которыя долженъ бы былъ исправить опытъ, время, знаніе, приливъ новыхъ силъ, свѣжей энергіи, широты мысли — стволъ то тутъ вовсе не корявый... Много камней летѣло — и справедливыхъ камней! — въ представителей этого поколѣнія... Что жъ, отчего не бить, отчего не рубить кривыя вѣтви, разъ это полезно для дѣла? Но прямой стволъ живого дерева, — онъ не нуждается въ топорѣ!

А топоръ, тѣмъ не менѣе, обрушился на него... Надо было ждать, что слѣдующее поколѣніе интеллигентовъ, ставши сильнѣе — оно таки и стало сильнѣе —, сотретъ ошибки прошлаго и въ здоровую мысль о самодѣятельности рабочаго класса вольетъ новое, болѣе широкое содержаніе, раздвинетъ идеи, проведеніе которыхъ въ жизнь откроетъ самое обширное поприще рабочей самодѣятельности...

Видно, не наворожила этого добрая бабушка! Новая волна жизни, начавшись со студенческихъ безпорядковъ, подняла духъ интеллигенціи и въ то же время значительно искалѣчила мысль о самодѣятельности рабочихъ. Почему? Трудно коротко отвѣтить на это. Несомнѣнно, на нѣкоторую часть интеллигенціи студенческое движеніе, развившееся шире, чѣмъ ожидали всѣ, затѣмъ движенія или начало движеній во всѣхъ слояхъ общества наложили свою печать и по отношенію къ рабочему вопросу: рабочая среда, какъ цѣлое, какъ то потускнѣла, отступила на задній планъ, ярче сталъ вырисовываться вотъ тотъ рабочій, который выступаетъ на демонстраціяхъ и даже изъ этихъ выступающихъ на демонстраціяхъ — тѣ, которые больше всего бросаются въ глаза, т. е. интеллигентные рабочіе... Вотъ на нихъ, на нихъ надо обратить особое вниманіе! Они какъ то больше и ближе подходятъ къ общему фону сознательности въ движеніи... Никто такъ не говорилъ словами и теперь не скажетъ — но это говорится дѣлами, общими тяготѣніями мысли...

Затѣмъ, страшные, вопіющіе недостатки въ нашемъ организаторскомъ дѣлѣ, иногда полное отсутствіе руководящихъ силъ, умѣнья связать все вмѣстѣ, положить починъ, кликнуть первый кличъ — все это съ большой тяжестью опустило мысль на необходимость выработки руководителей движенія да и притомъ съ такой непомѣрной тяжестью, что она, мысль эта, вся цѣликомъ ушла сюда и не стала столь же страстно и серьезно ра-

ботать надъ необходимостью расширить самыя организаціи, оживотворить ихъ широкой самодѣятельностью возможно большаго числа рабочихъ... Фигура руководителя начинаетъ вырисовываться все ярче и полнѣе, а массы тускнѣютъ, дорога къ нимъ заростаетъ бурьяномъ...

Наконецъ, работа въ массахъ становится все сложнѣе и труднѣе. Сложнѣе и труднѣе потому, что разрабатывать въ литературѣ и тѣмъ болѣе на практикѣ политическія идеи это не то, что распространять призывный листокъ къ стачкѣ или листовку о значеніи стачекъ; сложнѣе и труднѣе и потому, что ввести массы въ организаціи политическаго характера это не то, что устроить стачечную кассу или собраніе представителей дли организаціи стачки. Тутъ дѣло настолько сложное и трудное, что многимъ при русскихъ политическихъ условіяхъ, при требованіяхъ конспираціи оно кажется даже и невозможнымъ. И невозможность эта такъ живо рисуется, принимаетъ такія запугивающія формы, что мысль далеко не всегда себѣ говоритъ: есть такія конспиративныя дѣла, есть такія сложныя предпріятія, которыя требуютъ особой работы Центральнаго Комитета, не могущаго каждый свой шагъ подвергать широкому голосованію, но вообще то—для очень многихъ предпріятій — въ видахъ крѣпости дѣла должна быть организація съ наибольшей самодѣятельностью и участіемъ наибольшаго числа работниковъ... Но вмѣсто этого, вмѣсто такого правильнаго разрѣшенія вопроса мысль интеллигента схватывается *только* за одно: „Устроимъ Центральный Комитетъ!", а въ какой онъ будетъ связи съ массами — это ужъ совсѣмъ отступаетъ на задній планъ! Мысль о самой тѣсной связи Комитета и массъ, о вовлеченіи послѣднихъ въ весь строй работъ не отпадаетъ, не засыхаетъ, но нѣтъ въ ней должной вдумчивости, силы, энергичной работоспособности. *Но, впрочемъ, объ этомъ намъ еще придется говорить ниже.*

Какъ бы тамъ ни было, отовсюду жалуются рабочіе на комитеты, сплошь и рядомъ отъ комитетовъ откалываются особыя рабочія группы, намъ извѣстно много случаевъ, когда очень видные, талантливые рабочіе предпочитаютъ вести революціонную работу *особнякомъ... Взаимное непониманіе все больше растетъ, раздра*жительныя нотки во взаимныхъ отношеніяхъ все усиливаются, въ средѣ рабочихъ накипаетъ все больше озлобленіе противъ интеллигенціи...

Петербургскіе товарищи набросали очень вѣрную картинку. Командирство, именно командирство, свило себѣ гнѣздо въ комитетахъ! Старыя думы о самыхъ широкихъ слояхъ рабочаго класса какъ то стаяли; съ самымъ спокойнымъ видомъ интеллигенты теперь заявляютъ, что этимъ слоямъ надо лишь бумажку въ три строчки, прокламацію, и очень довольны своей дѣятельностью „для массъ", если припечатаютъ на прошлогоднемъ сзывномъ листочкѣ

къ демонстраціи гуттаперчевыми буквами сегодняшнее сзывное число... Вся задача въ томъ, чтобы стянуть къ „намъ“, командирамъ, инженеръ-механикамъ, какъ можно больше интеллигентныхъ, развитыхъ рабочихъ, при чемъ — какъ свидѣтельствуютъ наши петербургскіе товарищи — даже и этимъ рабочимъ сливкамъ неохотно даются отчеты... А массы, молоко, — имъ зачѣмъ давать отчеты, о нихъ зачѣмъ усиленно заботиться!? Молоко это и теперь, само по себѣ, кипитъ, ну а потомъ, когда придетъ чередъ, командиры, составляющіе изъ себя „организацію революціонеровъ“, — укажутъ дорогу, куда литься горячему молоку...

Массы — хорошее онѣ теперь занимаютъ мѣсто! На листочкахъ вскормленныя, на прокламаціяхъ вспоенныя, къ организаціи пришпиленныя только потому, что имъ же, а никому другому будетъ отданъ приказъ открывать огонь! Для массъ получается нѣчто худшее, чѣмъ съ той козой, которая бѣжала черезъ лѣсочекъ хватила кленовый листочекъ, бѣжала мимо ручейка хватила воды капельку...

Гдѣ старая вѣра социалдемократовъ 90-ыхъ годовъ въ мощь рабочаго класса, творящаго революцію и вообще всю исторію? Гдѣ убѣжденіе въ этомъ? Очевидно, это испарилось. Иначе была бы громадная положительная дѣятельность въ рабочемъ классѣ, говорилось бы и дѣйствовалось въ направленіи самой широкой организаціи его, развитія въ немъ самодѣятельности... Въ 90-ые годы, какъ бы тамъ ни работала мысль интеллигента, какими бы кривыми путями она ни шла, но она всегда стремилась къ тѣсному единенію съ рабочимъ классомъ... Дѣло другое, что она не въ силахъ была подойти къ богатству запросовъ этого класса и вертѣлась вокругъ одной лишь машинной гайки, — но какъ бы тамъ ни было, а памятникомъ этого времени останутся очень крупныя связи, заведенныя интеллигенціей съ рабочей средой, охватъ организаціей достаточно широкихъ слоевъ! У интеллигенціи 90-ыхъ годовъ не было мысли, съ которой она могла бы втолкнуться во всю ширь запросовъ рабочихъ массъ, у теперешней интеллигенціи появилась мысль, съ которой она... оттолкнулась отъ этихъ массъ...

Для насъ совершенно непостижимо, какимъ образомъ „организаціи революціонеровъ“ могутъ разсчитывать на подъемъ на политическія дѣйствія многотысячныхъ массъ, надъ развитіемъ которыхъ не идетъ ихъ упорной ни организаторской, ни литературной работы. Почему эти массы вдругъ поднимутся и маршъ-маршемъ пустятся въ любой походъ при первомъ же листочкѣ „организаціи революціонеровъ“? Бѣдныя, голодныя галчата! Только словечка, только распоряженія командировъ ждутъ... Что за прекрасныя при комитетахъ стали образовываться арміи безъ солдатъ, что за великолѣпное стуканье комитетской печаткой, не нарушаемое никакимъ гуломъ толпы!

Какое настроеніе царитъ теперь въ Петербургскомъ Комитетѣ — вотъ очень хорошая, въ своемъ родѣ даже безсмертная картинка. Въ № 25 газеты „Искра" помѣщено письмо изъ Петербурга. Авторъ его, имѣя въ виду объединеніе Петербургскаго Комитета съ организаціей „Искры", которая и является главной представительницей самаго односторонняго (правильнѣе: уродливо-односторонняго) отношенія къ нуждамъ рабочаго класса, — говоритъ:

„*Среди наступившаго послѣ весеннихъ событій затишья* вѣсть о сближеніи „Искры" съ „Союзомъ Борьбы" вызвала радостное и бодрое настроеніе у петербургскихъ рабочихъ. За послѣднее время „Искра" пріобрѣла среди передовыхъ рабочихъ много приверженцевъ — ненавистниковъ „экономизма" — и завоевала всеобщее сочувствіе рабочей массы." *(Дальше это ничуть не мѣшаетъ автору сообщить, что рабочая масса не понимаетъ „Искры". Итакъ, она завоевала сочувствіе непонимающихъ?)* „Еще до того момента, когда стало окончательно извѣстнымъ, что соглашеніе между „Искрой" и „Союзомъ" состоялось, рабочіе открыто заявляли, что, если нашъ Комитетъ не объединится съ „Искрой", мы сами объединимся."

Положимъ, мы знаемъ изъ очень достовѣрныхъ источниковъ *совершенно противное*: недовольство рабочихъ такимъ объединеніемъ*). Но оставимъ это: ярому приверженцу „Искры" вполнѣ естественно думать такимъ образомъ — такъ ужъ у него очки на свое дѣло устроены. А что они устроены такъ, а не иначе, объ этомъ свидѣтельствуетъ конецъ письма автора изъ „Искры":

„...Въ настоящее время для русскихъ революціонеровъ насущной задачей является регулярное (правильное) распространеніе (и безусловно въ достаточномъ количествѣ) какъ газеты „Искры", такъ и журнала „Зари"**), только при этомъ условіи мы можемъ разсчитывать на успѣшный ходъ нашей революціонной борьбы."

Только при этомъ условіи! Ни больше, ни меньше! Надо бы лишь еще прямѣе говорить: только при этомъ условіи обезпеченъ исходъ русской революціи...

Ну такъ — такъ такъ... Гдѣ ужъ тутъ спорить! Лучше обратимъ вниманіе читателей на два маленькія словца: „Искра" пріобрѣла среди передовыхъ рабочихъ очень много приверженцевъ — *ненавистниковъ экономизма*... Вотъ они эти два словца — какъ они малы, и какъ велико въ нихъ незнаніе, непониманіе рабочихъ! Интеллигенты пережглись на экономизмѣ и теперь все ду-

---

*) Подтвержденіе этого читатель найдетъ въ помѣщаемыхъ здѣсь же заявленіяхъ С.П.Б. Союза борьбы.

**) *„Заря" — толстый журналъ для интеллигенціи, того же направленія*, что и газета „Искра".

ютъ на экономическую, нынче уже холодную воду, кипѣвшую у нихъ самихъ, но всегда бывшую достаточно таки мерзлой въ рабочемъ классѣ... Много ли вы насчитаете рабочихъ, которые все *по копеечному дѣлу пробивали себѣ дорогу впередъ, со скрежетомъ* зубовнымъ при этомъ приговаривая: да нечего намъ бороться съ самодержавіемъ, у насъ есть другія заботы? Такой рабочій, если его искать не въ десяткахъ, кружившихся возлѣ комитетовъ, а въ сотняхъ, въ тысячахъ — это выдумка, а не живой человѣкъ! Только съ сегодняшняго дня рабочій сталъ „ненавистникомъ экономизма"! Неужели? Это съ вами, интеллигентами, нынче произошла такая перемѣна, а рабочій и тогда, когда выходила знаменитая „экономическая", больше по пятаковой части состоявшая газета „Раб. Мысль"—онъ и тогда никакимъ экономистомъ не былъ, онъ цѣнилъ эту „Рабочую Мысль" какъ *свою* газету, цѣнилъ ее за тѣ крохи, которыя она ему давала, но кто вамъ сказалъ, что онъ удовлетворялся ею? Голодный человѣкъ, вышаривающій въ своихъ карманахъ старыя хлѣбныя крошки,—онъ насыщается этимъ? Не извѣстенъ ли вамъ сильный ропотъ рабочихъ на „Рабочую Мысль" еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ? Не извѣстны ли вамъ десятки случаевъ, когда рабочіе отказывались ее распространять? А въ самой „Раб. Мысли" вы не читали письма одного рабочаго, гдѣ такъ ярко было выражено всеобщее недовольство этой газетой? И все же по вашему рабочій только теперь сталъ „ненавистникомъ экономизма"?! Пощадите ужъ ради бога рабочаго! Комитеты могутъ приходить къ какимъ угодно убѣжденіямъ на счетъ экономизма, засѣдающіе въ нихъ члены могутъ препираться какъ имъ угодно на сей счетъ, но рабочаго то ни въ чемъ неповиннаго нечего тащить къ свидѣтельскому мѣсту объ успѣхѣ „Искры" или тамъ еще какой организаціи противъ экономизма!

Но дальше авторъ письма говоритъ еще и вотъ что —, видимо, съ очень большимъ одобреніемъ:

> „Нерѣдко раздаются голоса рабочихъ на собраніяхъ, что экономическая борьба намъ ничего не дала... Въ рабочихъ кружкахъ рѣдко слышны разговоры о „заработной платѣ" или о „прибавочной стоимости" — врагъ русскаго народа (царское самодержавіе) приковалъ все вниманіе пролетаріата!"

Это правда, какъ она есть? или сотрудникъ „Искры" и здѣсь увлекся такъ же, какъ въ томъ, что газета „Искра" — необходимѣйшее изъ необходимѣйшихъ дѣлъ для революціи? Неужели рабочіе, не то лишь отмѣчаютъ, что стачки не могли вывести изъ подъ гнета царскаго правленія, что нужны и другіе пріемы борьбы въ этомъ направленіи и борьбы притомъ, непосредственно направленной противъ самодержавія? Неужели вмѣсто такой постановки вопроса они считаютъ *для себя* совершеннымъ пустоцвѣтомъ весь стачечный періодъ, тянущійся, конечно, и теперь? Мы не

вѣримъ, чтобы это было слово рабочаго — это просто стремительное на свой вкусъ истолковываніе совсѣмъ иныхъ рѣчей рабоваго. Не вѣримъ, ибо если рабочій не уясняетъ себѣ правильно, какое громадное значеніе имѣстъ экономическая борьба для его будущаго, для соціализма, то ужъ во всякомъ случаѣ онъ не можетъ забыть, какъ все его самосознаніе росло въ эти годы стачекъ, какъ душа его загоралась борьбой, какъ онъ въ этой борьбѣ скидалъ съ себя ветхаго человѣка и становился другимъ... Рабочій забудетъ пережитыя имъ чувства, рабочій плюнетъ на свою прошлую, духомъ пламенѣвшую дѣятельность — *нѣтъ такихъ рабочихъ!* Сами вы двумъ-тремъ своимъ экономистамъ и подручнымъ втолковали это!

Вы, воткнувшіеся нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ однѣ лишь стачки, не видѣвшіе за ними ни неба, ни моря, — теперь сами на себя обозлились за такую узость — ну и клеймите же самихъ себя, а въ уста рабочаго не вкладывайте презрительныхъ словъ къ тому, что слишкомъ дорого ему, что было связано съ ростомъ всей его души!

А чему это, позвольте спросить, Вы радуетесь, что въ рабочихъ кружкахъ замолкли рѣчи о заработной платѣ и о прибавочной стоимости (Вы эти слова даже тычете въ какой то срубъ изъ кавычекъ *для всесожженія*)? Неужели и правда замолкли? Это было бы очень позорно для рабочихъ! Да, царское самодержавіе — нашъ первый врагъ, которому долженъ быть крестъ на крестъ выписанъ конецъ, и притомъ, прежде всего! Да, наша мысль ни на одну минуту не должна забывать о царскомъ тронѣ беззаконія... Но что же, уяснивши себѣ это, все остальное надо выкинуть изъ мозга — иначе не выдержитъ онъ? Надо предать забвенію, что „заработная плата“ и „прибавочная стоимость“ такъ же связаны съ рабочимъ движеніемъ, со всѣмъ будущимъ рабочаго класса, какъ человѣкъ связанъ со всѣми своими органами? Любопытно... Нѣкоему Фалалѣю по барскому приказу должно было сниться непремѣнно „что нибудь изящное, нѣжное, облагороженное“ (смотри объ этомъ у Достоевскаго „Село Степанчиково и его обитатели“)... И теперь рабочему должны сниться только университеты, земства, земскіе статистики, какіе нибудь вольнодумные предводители двоянства, которыхъ „Заря“ какъ то для „поощренія“ и для „подталкиванія“ впередъ назвала нашими завтрашними союзниками... Вотъ что должно сниться! Не правда ли? Благородство то какое! И при такомъ благородствѣ совсѣмъ ужъ сѣрое, посконное дѣло думать о какихъ то... какъ тамъ ихъ — заработной платѣ и прибавочной стоимости!

Интеллигентъ, наконецъ, то вспомнилъ о политической борьбѣ, объ университетахъ, земствахъ, забылъ свой, достаточно таки зловредный для него экономизмъ, слава богу, дошелъ разумѣніемъ до того, что начать въ рабочихъ кружкахъ долбить очень сухо по

учебнику о прибавочной стоимости — скучно для слушателей... и проникнувшись всѣмъ этимъ, сейчасъ же съ разбѣгу кинулся на рабочаго избавлять его отъ не существующихъ у него грѣховъ, да за одно ужъ дошелъ и до того, чтобы выкуривать изъ рабочаго „прибавочную стоимость“ и „заработную плату“... А когда же будетъ соціализмъ выкуриваться изъ рабочаго для успѣшности горѣнія политическимъ огнемъ и на острастку экономизму? Должно быть ужъ скоро! Хоть въ „Искрѣ“ о вытравленіи соціализма никогда не писалось и никогда не будетъ писаться, но до этого со ступеньки на ступеньку можно дойти и... собственнымъ умомъ!

Въ заключеніе еще одинъ брилліантъ изъ письма въ „Искру“. Жалуются, что „Искра„ недоступна рабочей массѣ. На этотъ счетъ со стороны автора письма слѣдуетъ такой отвѣтъ:

> „Не можетъ быть никакого сомнѣнія, что совершенно темный рабочій, никогда ничего не читавшій, не разберется въ „Искрѣ“... Но „Искра“ врядъ ли можетъ быть предназначена для такихъ рабочихъ; для этой цѣли существуетъ агитаціонная литература въ видѣ листковъ, брошюръ и т. п. Являясь руководящимъ органомъ рабочей партіи*), „Искра“ не можетъ и не должна „поддѣлываться“ подъ пониманіе даже самыхъ темныхъ слоевъ рабочей массы, по-

---

*) *Прим.* Авторъ письма въ „Искру“, по своей увлекающейся натурѣ, опять вводитъ читателей въ заблужденіе: „Искра“ — вовсе не руководящій органъ рабочей партіи. Во первыхъ, и партія эта еще не сложилась и, значитъ, никто не могъ уполномочить „Искру“ быть органомъ партіи; а во вторыхъ, взгляды „Искры“ раздѣляемые очень многими интеллигентами, къ счастью, не раздѣляются очень многими рабочими организаціями.

Только что вышелъ № 26 „Искры“, въ которомъ есть заявленіе *отъ Петербургскаго и Московскаго Комитетовъ. Питерцы жалуютъ* „Искру“ и „Зарю“ въ руководящіе органы русской соціальдемократіи, москвичи — поскромнѣе: они лишь объявляютъ „Искру“ „*своимъ* руководящимъ органомъ“. Относительно москвичей ничего нельзя сказать: они въ своемъ правѣ. То, что состоитъ ихъ Комитетъ изъ нѣсколькихъ человѣкъ, обладающихъ печаткой, но лишенныхъ связи съ рабочими, — въ данномъ случаѣ это рѣшительно все равно: нѣсколько человѣкъ захотѣло считать „Искру“ *своимъ* руководящимъ органомъ, и да благо имъ будетъ, и да лестно будетъ „Искрѣ“, а люди, серьезно относящіеся къ дѣлу, а не къ штемпелеванію бумажекъ, не впадутъ въ ошибку при оцѣнкѣ московскаго факта и не сдѣлаютъ изъ мухи слона. — По поводу петербургскаго вѣнчанія „Искры“ руководящимъ органомъ мы здѣсь ничего не будемъ говорить: въ этомъ же „Приложеніи“ читатель найдетъ очень важные документы, показывающіе въ слишкомъ некрасивомъ свѣтѣ дѣйствія Петербургскаго интеллигентскаго Комитета: именно, протестъ и заявленія *Петербургскаго Комитета Рабочей организаціи, дѣйствительно,* не печаткой, а дѣломъ связанной съ петербургскимъ движеніемъ.

тому что *(При чемъ же тутъ „потому что“? Не говоритъ оно о большой грамотности автора письма!)* для ея сознательной части „Искра“ вполнѣ доступна.“

Видите ли, „для такихъ рабочихъ“ существуютъ листки и брошюры... Для нихъ намъ нечего думать о журналахъ, о газетахъ... „Такой рабочій“ — это мальчикъ съ-пальчикъ, ѣдущій въ раковинкѣ изъ прокламаціи, на бабочкѣ изъ листочка, на тѣ цвѣточки и травки, куда будетъ приказано осѣсть... Славное дѣло! А потомъ вотъ что: что за странное раздѣленіе рабочихъ на понимающихъ достаточно сложную для пониманія интеллигентскую „Искру“ и на ничего не читавшихъ! Это полное незнаніе рабочей среды, незнаніе, что въ ней существуетъ очень обширный слой, берущій и изъ библіотекъ, и у знакомыхъ, и покупающій всякія, какія придется книги и газеты. Этотъ слой *достаточно развитъ, у него много запросовъ, и съ нимъ надо говорить,* конечно, не дѣтскимъ, пеленочнымъ языкомъ, но и „Искра“ — это не для него литература. Ему, этому слою рабочихъ середняковъ, *нужна своя ясная, толковая, обстоятельная литература. Но ни* этого слоя рабочаго класса, ни его нуждъ и авторъ письма въ „Искру“, и большинство интеллигенціи совершенно не видятъ и не хотятъ знать и понимать!...

Пусть читатель сравнитъ два письма: одно отъ рабочихъ, близко стоящихъ къ Петербургскому Рабочему Комитету, помѣщаемое у насъ въ *Откликахъ,* другое — помѣщенное въ *Искрѣ* и принадлежащее, видимо, лицу не вдали стоящему отъ Петербургскаго интеллигентнаго Комитета. Сравненіе этихъ двухъ писемъ, если и далеко не полно, то все же недурно вскрываетъ суть происходящихъ разногласій между интеллигентами и рабочими, и почему накапливается ненависть вторыхъ къ первымъ.

По отсутствію времени у насъ въ данный моментъ мы не могли подвергнуть болѣе полному разбору отношенія интеллигентовъ къ рабочимъ, но мы разсчитываемъ къ этому предмету не разъ еще возвращаться въ *Откликахъ.* Не думаемъ мы, чтобы и самый рѣзкій разборъ этихъ отношеній смогъ еще больше распалить недружелюбныя чувства къ интеллигентамъ, ибо мы говоримъ о фактѣ ихъ существованія, говоримъ о причинахъ: гдѣ разжигаются костры фактами, тамъ мало прибавляетъ слово *по поводу!* А пускать *въ ходъ слово для замазыванія существующихъ фактовъ или,* признавъ ихъ, направлять всѣ усилія на выгораживаніе интеллигентовъ — это уже было бы совсѣмъ неподходящимъ дѣломъ...

Какіе же *выводы должны быть сдѣланы изъ всего написаннаго* нами? Наши петербургскіе корреспонденты, если и не говорятъ совсѣмъ ужъ прямо, то не далеки отъ вывода: долой интеллигенцію! *На выносъ ее изъ рабочей среды! Пусть рабочій классъ*

самъ научается развиваться, сами рабочіе пусть и пишутъ, и печатаютъ, и организуютъ, и дѣлаютъ, словомъ, все...

Нашъ выводъ совсѣмъ иной. Притокъ интеллигентныхъ силъ крайне необходимъ въ рабочій классъ, для его быстрѣйшаго и правильнѣйшаго развитія. Какое бы богатство интеллигентныхъ развитыхъ силъ не выдѣлялъ изъ себя самъ пролетаріатъ — всегда будетъ потребность и въ притокѣ ихъ со стороны; и потребность не потому, что масло каши не портитъ, а потому, что громадный объемъ нашей дѣятельности никогда не удовлетворяется даже хоть и въ полмѣры нужнымъ количествомъ развитыхъ силъ. Нами каждая сила, каждая маленькая силенка должны цѣниться втридорога. Безъ конца ихъ нужно для работы! А интеллигенты по своему развитію, по времени, которымъ располагаютъ, по связямъ въ разныхъ областяхъ жизни, — кто же будетъ спорить, — очень полезны для движенія рабочаго класса!

Если это такъ, то нашей заботой должно быть воздѣйствіе на интеллигенцію и печатью, и словомъ въ организаціонныхъ совѣщаніяхъ (слово во время и кстати умнѣе пера и печати), и открытымъ выраженіемъ на собраніямъ своихъ протестовъ противъ направленія ея дѣятельности. Прежде чѣмъ откалываться отъ интеллигенціи, какъ это бывало и въ Питерѣ, и въ Одессѣ, и въ Харьковѣ, и въ Кіевѣ, да и гдѣ только не бывало; прежде чѣмъ устраивать свои собственныя организаціи, куда не пускался бы интеллигентъ, какъ женщина на Афонъ; — прежде этого мы должны и въ кружкахъ своихъ, и на собраніяхъ выражать протесты, предъявлять свои требованія самымъ настойчивымъ образомъ — смотря по обстоятельствамъ, то устно, то печатно! Почему въ литературѣ такъ мало раздается рабочихъ голосовъ? Почему все пишется о рабочемъ, а самого рабочаго не слышно? Больше, громче говорите, товарищи, — вашъ голосъ имѣетъ громадный вѣсъ, онъ не одну сотню интеллигентовъ поставитъ на настоящую дорогу! Не врагъ же нашъ интеллигенція. Она только (надо сказать) въ своей массѣ мало сознательна, еще менѣе вдумчива и совсѣмъ не богата самостоятельностью мысли. Работать для широкихъ слоевъ рабочаго класса — дѣло громадной трудности, оно требуетъ очень большихъ и умственныхъ, и нравственныхъ усилій. И мысль интеллигенціи, не могшая вызрѣть какъ слѣдуетъ при холодахъ царскаго правленія, — направляется на болѣе легкое. Именно, не на сложную и трудную работу въ широкихъ слояхъ рабочаго класса, а на организаціи верховъ этого класса совмѣстно съ интеллигенціей. Не представляютъ себѣ эти интеллигенты, что великая и истинно-плодотворная революція можетъ быть совершена лишь рабочимъ классомъ съ хорошо развитыми и привыкшими къ самодѣятельности массами — стукъ печатки надъ десяткомъ прокламацій они готовы принимать за набатъ революціонна-

го колокола... Ваше громкое и сильно сказанное слово, ваши протесты, товарищи, чѣмъ чаще они будутъ раздаваться, тѣмъ скорѣе направятъ мысли интеллигенціи на вѣрную дорогу, заставятъ ее преодолѣвать всѣ трудности сложнаго дѣла, а не бѣжать отъ нихъ, схвативши шапку въ охапку, въ блестящую, но мало полезную выдумку „организаціи революціонеровъ" безъ арміи, безъ великой, творческой силы рабочаго класса.... Ваше слово, товарищи, ваши протесты будутъ имѣть громадное вліяніе на комитеты — вы ихъ заставите и расширить организаціи вовлеченіемъ большаго числа рабочихъ и развитіемъ въ нихъ самодѣятельности, вы ихъ заставите и приняться за изданіе или помощь другимъ организаціямъ въ изданіи нужной вамъ литературы...

Расколъ же съ интеллигенціей принесетъ одинъ только вредъ и той, и другой сторонѣ, навалитъ безсчетное число булыжниковъ по дорогѣ къ революціи. И такъ дорога трудна — незачѣмъ ее усѣивать еще новыми и лишними трудностями! Да, именно лишними: есть десятки людей, которые навѣки останутся самодовольными хранителями даже не стукающихъ печатокъ, но помимо нихъ есть сотни, тысячи интеллигентовъ, которые лишь по незнанію колесятъ вдали отъ широкой дороги массовой борьбы, лишь не понимая, что дѣлаютъ, стоятъ съ кружащейся головой около пропастей. Выведите ихъ на настоящую дорогу, спасите ихъ отъ той ямы, жерло которой уже смотритъ на нихъ!

Интеллигенція въ настоящее время стоитъ между двумя пропастями, соединенными между собой подземнымъ ходомъ. Въ одну изъ этихъ пропастей если не все больше обозляющіеся рабочіе ее столкнутъ, то она сама туда свалится. Если она не полна вѣры въ творческую силу рабочаго класса, если она къ массамъ относится съ пренебреженіемъ и издаетъ для нихъ лишь командирскіе листочки, — ей не за что держаться на землѣ. Она должна повиснуть на своемъ собственномъ вѣсу — по командирскимъ листочкамъ, вѣдь, массы не пойдутъ за ней, она будетъ писать о демонстраціяхъ, но разъ широкіе слои не захвачены въ организацію, разъ ничего солиднаго не дѣлается для воспитанія ихъ самосознанія, — никакихъ демонстрацій и не будетъ по призыву, сколько бы не являлось генеральскихъ приказовъ. Интеллигенція останется одна.

На своемъ вѣсу она не сможетъ держаться даже такою по отношенію къ рабочимъ, какъ она есть теперь. Пощечина за пощечиной со стороны царскаго правительства, казни, ссылки, издѣвательства надъ женщинами въ тюрьмахъ доведутъ чувства гнѣва, скорби и возмущенія у интеллигенціи до самой послѣдней степени; свое чувство, мы говоримъ, она вынесетъ на улицы, выльетъ его призывомъ къ массамъ, отточитъ свою косу, чтобы убирать ею несѣянный хлѣбъ., безцѣльно взмахнетъ ею въ воздухѣ разъ, другой,

третій, а потомъ... потомъ ей останется одно — крикнуть самымъ изступленнымъ голосомъ: *впередъ, наши «организаціи революціонеровъ»! Мы сами!*

И съ этимъ крикомъ она оторвется отъ рабочихъ массъ совершенно — это будетъ ея первая пропасть. А изъ этой пропасти жизнь, всѣ условія русской дѣйствительности вырыли подземный ходъ въ другую пропасть: къ террору интеллигенціи, съ выстрѣлами нападающей на правительство. Пусть газета „Искра", усердно борящаяся *словомъ* противъ террора, тогда попробуетъ своими печатными листами заложить проходъ изъ одной пропасти въ другую, — вся ея бумага не остановитъ и одного шага въ сторону террора, рука интеллигента сама собой потянется за единственнымъ оставшимся оружіемъ у „организаціи революціонеровъ" — за револьверомъ и бомбой. Разъ интеллигенція оторвется отъ рабочей массы, будетъ одна — для поддержанія ея достоинства, чести, для отплаты извергамъ и душегубамъ, наконецъ, даже для мысли о сверженіи царской власти (мысли, конечно, нелѣпой въ данномъ случаѣ безсилія) останется лишь одинъ терроръ „организацій революціонеровъ." Авторъ письма въ „Искру," сама „Искра," всѣ не брегущіе работой въ самыхъ широкихъ слояхъ рабочаго класса, совершенно не сознаютъ, что они работаютъ на пользу такого ужаснаго, безсильнаго и безплоднаго террора отчаянія. Отъ всей души не желаемъ, чтобы жизнь увѣнчала ихъ усилія успѣхомъ!

Мы сами считаемъ терроръ однимъ изъ очень полезныхъ и безусловно необходимыхъ вспомогательныхъ орудій борьбы пролетаріата съ самодержавіемъ. Но этотъ терроръ долженъ быть въ рукахъ Соціальдемократической Партіи, тѣсно и неразрывно связанной со всѣми движеніями рабочаго класса, долженъ быть очень строго организованъ ею и находиться подъ неослабнымъ и бдительнымъ контролемъ ея. Этотъ терроръ, когда по постановленію комитета Партіи, убираются особенно вредные насильники, когда изливается на нихъ месть Партіи за причиненный ими позоръ рабочему классу — онъ и нуженъ, и полезенъ, и безъ него не обойдется наша партія.

Но безусловно вреденъ тотъ терроръ, который будетъ вызванъ отторженіемъ интеллигенціи отъ рабочаго класса, или тотъ, который ведется теперь Партіей Соціалистовъ-Революціонеровъ, не имѣющей связи съ рабочимъ классомъ, не понимающей его нуждъ и его великаго значенія въ жизни*). Этотъ терроръ въ самомъ лучшемъ случаѣ можетъ лишь ускорить дарованіе царемъ жалкой конституціи, гнилыхъ уступокъ, а не великую рабочую революцію.

---

*) Въ „Приложеніи" ко 2-му № *Откликовъ* мы разсчитываемъ говорить подробно о террорѣ Партіи Соціалистовъ-Революціонеровъ.

Наша цѣль въ борьбѣ съ самодержавіемъ именно эта революція. Рабочій классъ долженъ разрушить тронъ и замѣнить его самымъ свободнымъ управленіемъ, какое только мыслимо въ капиталистическомъ строѣ. Это въ состояніи сдѣлать лишь развитой рабочій классъ съ массами, высоко стоящими и хорошо понимающими цѣли рабочаго движенія. Интеллигенція и ради сохраненія къ себѣ уваженія со стороны рабочихъ, и въ интересахъ великой русской революціи должна проникнуться глубокимъ смысломъ словъ нашихъ петербургскихъ корреспондентовъ: *«намъ не няньки нужны, не командиры — а товарищи, которые смотрѣли бы на насъ какъ на равныхъ и учили бы всему»*. Тогда исчезнутъ въ рабочей средѣ всякія непріязненныя чувства къ интеллигентамъ —

И не минетъ святая чаша
Всѣхъ, кто ее не оттолкнетъ!

ДОЖДАЛИСЬ!

Когда мы писали нашу статью по поводу петербургскаго рисьма, мы не предвидѣли, что уже такъ близокъ полный иасколъ въ Петербургскомъ Комитетѣ между интеллигентами в рабочими. Хотя этотъ расколъ очень уже давно назрѣпалъ, много уже разъ готовъ былъ прорваться наружу въ самой рѣзкой формѣ, — но какъ то всегда интересы дѣла выгоды совмѣстной работы во время успѣвали сгладить и притупить всю остроту отношеній. Такъ, мы ожидали, будетъ и теперь.

Но, видимо, ссора зашла уже слишкомъ далеко или вѣрнѣе сказать, худой миръ превратился таки наконецъ — ужъ не знаемъ только, въ особенно ли добрую — ссору. Понять это не трудно. Каждый разъ перемирія между интеллигентами и рабочими не кончались какими бы то ни было пріобрѣтеніями для рабочихъ, удовлетвореніемъ ихъ требованій — нѣтъ, примиреніе происходило просто въ интересахъ самаго дѣла. Съ очень горькимъ осадкомъ на душѣ примирялся рабочій съ интеллигентными комитетчиками и разсуждалъ такъ:

— У насъ, рабочихъ, нѣтъ ровно ничего... Нѣтъ книжекъ, нѣтъ денегъ, нѣтъ связей съ заграничными организаціями, нѣтъ возможности иногда напечатать самый маленькій листочекъ .. Все это мы достаемъ при помощи интеллигенціи... И волей-не-волей, хочешь-не-хочешь мы должны подламывать себя подъ такія условія, которыя она продиктуетъ намъ... А между тѣмъ, эта интеллигенція сплошь и рядомъ совершенно не знаетъ ни насъ, ни нашего быта, не обладаетъ ни малѣйшей способностью подойти къ нашимъ потребностямъ, относится къ намъ если не съ пренебреженіемъ, то ужъ во всякомъ случаѣ съ невнимательностью... Иногда ни къ селу, ни къ городу, много времени спустя послѣ событій она намъ тащитъ какіе нибудь листочки— „разбросайте по станкамъ“... Когда мы признаемъ это несвоевременнымъ, насъ пушатъ „экономистами“ или еще какъ нибудь хуже... Когда событіе было на лицо, когда оно волновало всѣхъ, когда мы чувствовали, болью чувствовали страшный недостатокъ въ живомъ призывающемъ или объясняющемъ словѣ—тогда не было ничего, тогда интеллигенція словно въ ротъ воды набрала и отрубила себѣ всѣ пальцы... А пройдетъ годикъ-другой — мы же виноваты! Интеллигенція не понимаетъ, что намъ сейчасъ даже не разобраться, не вспомнить почему же именно мы виноваты — фактъ уплылъ, а она только теперь стала купаться въ оставленныхъ имъ струяхъ... Въ ея собственной средѣ появились люди, которые рѣзко и справедливо поставили ей на видъ ея огрѣхи, поставили такъ, что она покраснѣла отъ всѣхъ своихъ экономизмовъ и воробьиныхъ шаговъ — и вотъ, устыженная и на себя раздосадованная, она приходитъ къ намъ громить свой воробьиный шагъ воробьиною ночью съ громомъ, молніями и ливнями въ рабочей средѣ!... Мы — виноваты, мы — экономисты... Собственное вы выслушали сердце, собственный пощупали пульсъ — и сейчасъ же кричите, что это сердце и пульсъ рабочей среды! Почему настроенія этой среды не вызываютъ у васъ и соотвѣтствующія дѣйствія, почему голосъ нашей рабочей жизни долетаетъ до васъ лишь самыми слабыми звуками, почему вы становитесь раскаленными до красна революціонерами лишь подъ вліяніемъ насмѣшки и укора въ вашей собственной средѣ? и почему ухвативши въ этой средѣ революціонный пароль, вы мечетесь съ нимъ всюду и вездѣ, не толкаясь только въ самую сущность рабочей жизни? Демонстраціи — раскалились вы ими до красна и упивае-

тесь красотою этого слова до полнаго опьяненія, забывая, что нужно же *воспитывать* чѣмъ нибудь рабочія массы *для* этихъ демонстрацій, — ни литературы, ни серьозной организаторской работы, ничего у васъ нѣтъ за душой... Для васъ совершенно достаточно накурить въ вашей собственной средѣ рабочимъ духомъ, но не выйти изъ этой среды въ рабочія массы, по ихъ потребностямъ, по ихъ жизни, а не по треволненіямъ вашихъ интеллигентскихъ заботъ и споровъ пронести свѣтъ знанія, пароль могучей классовой борьбы! Какъ тяжело, невыносимо-тяжело сознавать рабочему, что ему придутъ отдавать распоряженія не въ зависимости отъ самаго дѣла, отъ самой жизни въ рабочемъ классѣ, а въ зависимости отъ того, какая буря въ стаканѣ воды происходила въ интеллигентной средѣ, какую взбучку *получили экономисты, до какой истерики дошли комитеты*, затравленные за свой экономизмъ! И какъ бы тамъ ни было, извольте и это, и многое другое претерпѣвать, ибо нѣтъ у *рабочаго ни книгъ, ни средствъ, ни связей*...

Годами ужъ это чувствуетъ рабочій — пишущій эти строки въ десяткѣ городовъ слышалъ отъ рабочихъ вещи, въ тысячу разъ болѣе рѣзкія, чѣмъ тѣ, которыя написаны сейчасъ, и каждый разъ онъ изумлялся той громадной любви къ дѣлу, той выдержанности, которыя заставляютъ рабочаго переносить столько обидъ, оскорбленій, столько самаго непростительнаго третированія. Если это понадобится, мы въ свое время огласимъ десятки фактовъ изъ разныхъ мѣстностей Россіи. Тутъ не прятать что либо нужно — тутъ нужно больше и громче говорить обо всемъ. Не покажутся ли кому нибудь наши слова дезорганизаціей (разстройствомъ въ рядахъ) движенія? Ужъ не тому ли, кто *дезорганизуетъ его дѣломъ, кто доводитъ рабочихъ* до разрыва съ интеллигенціей?

Вотъ этотъ петербургскій расколъ — въ немъ вся вина *на сторонѣ интеллигентовъ, они толкнули къ такой* дезорганизаціи! А къ чему она приведетъ... Лучше ужъ воздержимся отъ мрачныхъ картинъ. Воздержимся отъ нихъ, хотя онѣ выступаютъ сами собой — выступаютъ и въ томъ, что Комитетъ Организаціи страшно неудачно выбралъ марксовскія слова началомъ къ своему заявленію (это предвѣщаетъ очень много плохого!), выступаютъ мрачныя картины и въ томъ, что Рабочая Организація берется за дѣло безъ всякихъ средствъ, безъ литературныхъ силъ, безъ очень

и очень многихъ существенныхъ условій для существованія солидной организаціи. Съ ея стороны возможны очень большіе промахи, разрывъ съ интеллигенціей при отсутствіи нужныхъ силъ для работы можетъ ее поставить на невѣрный путь, — и, добрый другъ-читатель изъ интеллигентовъ, изъ прирожденныхъ руководителей, сколько камней ты обрушишь на головы рабочихъ, какъ за каждую ихъ ошибку ты будешь втаптывать въ грязь самостоятельность почина рабочихъ!... И сколько будетъ правды въ твоихъ словахъ, ибо, повторяемъ, нѣтъ ничего невѣроятнаго, что будутъ со стороны Рабочей организаціи самыя неподходящія и крупныя ошибки...

Но, другъ-читатель изъ интеллигентовъ, не вредно тебѣ будетъ десятокъ камней припасти и про твою собственную голову — ты самъ довелъ до этого, твое дѣло не сторона въ этомъ очень грустномъ и даже ужасномъ расколѣ!

Мы обращаемся къ нашимъ петербургскимъ товарищамъ рабочимъ: если возможно еще примиреніе — употребите всѣ силы на него, дѣйствуйте вашимъ словомъ, дѣйствуйте протестами, требованіями, печатью на интеллигентовъ, положите всѣ усилія, чтобы существовала совмѣстная работа, чтобы не росли лишнія трудности для революціоннаго дѣла! Это не будетъ съ вашей стороны шагомъ назадъ — рабочій, берущій на себя задачу перевоспитанія интеллигенціи, шагаетъ не назадъ, а впередъ! И это благородная задача, это насущная, не знаю даже съ чѣмъ сравнимая задача!...

Но если нельзя, если уже слишкомъ поздно — что жъ, ничего не подѣлаешь. Но не подавайте другимъ рабочимъ организаціямъ такого примѣра — выбросьте вонъ фальшиво взятыя вами слова Маркса; эти въ другомъ мѣстѣ святыя слова тутъ только заведутъ васъ въ трясину. Будьте вѣрны тѣмъ широкимъ задачамъ, которыя вы выставляете въ вашемъ заявленіи, но не исковеркайте этихъ задачъ, беря на себя такія дѣла, которыя вамъ не подъ силу. Не беритесь составлять программу, не беритесь сами издавать газету — не дѣлайте этого сейчасъ, пока у васъ нѣтъ достаточныхъ силъ, вы посадите на мель самихъ себя, вы скажете не то, что думаете и не то, что хотите сказать. Мы васъ предостерегаемъ не потому, что на васъ посыпятся насмѣшки и укоры и изъ боязни ихъ надо умѣрить себя, залѣзть въ скорлупку — нѣтъ, нѣтъ! Ни жало насмѣшки, ни остріе укора не страш-

ны для рабочей самодѣятельности, но страшенъ путь по трясинѣ, страшно всякое исковерканное дѣло, вносящее смуту въ пониманіе и борьбу! Бойтесь этого — и взвѣшивайте свои силы и способности!

Только взвѣсивши ихъ, вы въ состояніи проложить себѣ дорогу къ будущему, завоевать себѣ подсобныя силы, которыя вамъ помогутъ ставить дѣло все шире и шире. Навѣрное, найдутся такія силы среди насъ, революціонныхъ работниковъ! Вашъ призывъ о помощи, навѣрное, не останется безъ отклика.

Хочется намъ и съ своей стороны предложить вамъ посильную помощь — конечно, слишкомъ и слишкомъ недостаточную для васъ. Если вы считаете *неизбѣжнымъ* существовать въ качествѣ отдѣльной организаціи отъ Петербургскаго Комитета, если вы еще неоднократно обсудивши найдеге, что *немыслима* будетъ совмѣстная работа, — группа „Свобода" предлагаетъ вамъ воспользоваться ея литературными, денежными и транспортными средствами, поскольку она сама располагаетъ всѣмъ этимъ. Мы приложимъ во всякомъ случаѣ всѣ наши усилія, чтобы въ Рабочую Организацію сыпалось возможно меньше камней...

. . . .

„Ты рожденъ пролетаріемъ былъ
И всю жизнь отдалъ ты пролетаріямъ-братьямъ,
И за нихъ съ злобой горькою міру въ лицо
Ты проклятье бросалъ за проклятьемъ!

. . . .

Ненавидимъ врагами, врагами гонимъ,
Жилъ ты въ мірѣ безумномъ и жалкомъ...
Бѣднякомъ умеръ ты, и толпой бѣдняки
Шли во слѣдъ за твоимъ катафалкомъ...

. . . .

Говорятъ, что солдатъ императорскихъ взводъ,
Повстрѣчавшись съ кортежемъ загробнымъ,
Опустилъ внизъ штыки и играть въ барабанъ
Счелъ предъ гробомъ твоимъ неудобнымъ..."

. . . .